

ПЕРМИСТИКА В НАСЛЕДИИ В. И. ЛЫТКИНА: неизвестные страницы

М. С. ФЕДИНА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры архивоведения, документоведения и прикладной лингвистики ГАОУ ВПО «Коми республиканская академия государственной службы и управления»

Е. К. ТРИФОНОВА,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»
(г. Сыктывкар, РФ)*

Деятельность В. И. Лыткина как лингвиста – тема многих работ, появившихся как при жизни ученого, так и после его кончины. В них единодушно отмечается, что магистральным направлением научных поисков этого выдающегося финно-угроведа было системное изучение истории пермских языков на всех уровнях: фонетики, лексики, грамматики (преимущественно морфологии) [2, 10]. Признание научных достижений В. И. Лыткина начинается с защиты и публикации его диссертации об *s*-овых именных суффиксах в пермских языках – явлении, считающемся одним из характерных признаков пермских языков, в том числе коми. Присуждение В. И. Лыткину за эту работу степени доктора философии Будапештским университетом стало итогом его двухлетней стажировки в Финляндии и Венгрии. Возможность стажировки в ведущих центрах финно-угроведения он получил, будучи аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН) [1, 87–90].

Автоматический анализ частотности букв и звуков коми языка, выполненный в Центре инновационных языковых технологий Коми республиканской академии

государственной службы и управления в 2013 г., выявил убедительное доминирование «с» в коми языке, в том числе за счет его употребления в суффиксах [11].

В личном фонде В. И. Лыткина, хранящемся в Литературном музее им. И. А. Куратова (структурном подразделении Национального музея Республики Коми), находится его заявление, адресованное в отдел подготовки РАНИОН и ранее неизвестное биографам. Из него явствует, что по возвращении из заграничной командировки в феврале 1928 г. он, «считая выполненным свое задание (иметь соответствующий диплом от будапештского университета), по предложению Института народов Востока был освобожден от выполнения учебного плана и должен был приступить к индивидуальным работам», а в мае 1928 г. им «была прочитана первая индивидуальная тема» [4, о.ф. 233/7]. Вероятно, именно об этом факте В. И. Лыткин сообщил в своей автобиографии: «...в мае 1928 г. подвергался испытанием в Государственной квалификационной комиссии и защитил квалификационную работу на тему “Русские заимствования в зырянском (коми) языке как материал для изучения фонетики северо-восточных русских говоров”». Некоторые биографы ученого утверждают, что, «по сути дела,

эта была его кандидатская диссертация» [1, 91]. Сведения, которые В. И. Лыткин изложил в своем заявлении, не позволяют согласиться с таким заключением. С конца мая до конца сентября 1928 г. по поручению Академии наук он находился в экспедиции в рамках подготовительных работ по пятилетнему изучению Коми области. Известно, что вместе с Г. А. Нечаевым, Е. А. Чеусовой, А. С. Сидоровым он изучал коми диалекты.

После возвращения в Москву ему было предложено «представить диссертацию к 1 марта 1929 г. Немного позже срок был продлен до 1 мая 1929 г. Такое изменение его индивидуального плана, судя по тексту заявления, было полной неожиданностью для ученого. Обращаясь в отдел подготовки РАНИОН, он подчеркивал, что отведенные ему для разработки диссертации 6–7 мес. – «срок чрезвычайно маленький», особенно с учетом его перегруженности общественной работой: «по линии Мосоавиахима (10–15 часов в неделю), по линии коми школы (приходилось быть постоянно рецензентом коми учебников, самому писать за истекший год 3 учебника и т. д.), по линии коми литературы, землячеству и краеведению (прочитал 5 докладов, постоянно участвую в коми прессе и т. д.)». Необходимость заниматься этим объяснялась так: «На отказ последовал бы упрек: мы тебя учим, а ты не хочешь нам помогать». Именно в силу данных обстоятельств В. И. Лыткину «пришлось в качестве диссертации приготовить работу, которая... разрабатывалась еще за границей с применением сравнительно-исторического метода». Как писал В. И. Лыткин, он «должен был дни и ночи сидеть над этой диссертацией, которая была представлена, дабы не очутиться “автоматически выбывшим”, вследствие непредставления ее к сроку» [4, о.ф. 233/7, ед. хр. 91].

Ни текст данного заявления, ни упоминания об этой подготовленной вовремя работе в очерках Т. И. Тепляшиной [8, 44] и А. И. Туркина [10, 213] не дают ответа на вопрос о теме кандидатской диссертации В. И. Лыткина. Ответ содержится в рукописи, которая также хранится в его личном

фонде в Литературном музее им. И. А. Куратова. Рукопись находится в двух картонных папках для школьных тетрадей. На обложке первой из папок рукой ученого написано: «В. И. Лыткин. Явления конца слов в пермских языках. Диссертация 1929 г.». На второй папке, в которую вложен текст самой диссертации, надпись несколько иная: «В. И. Лыткин. Явления конца слов в коми языке. 1928–1929 гг.». Рукопись насчитывает 266 бумажных листов размером 21,5x17 см, исписанных черными чернилами [3, о.ф. 233/8].

В кратком введении [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 1–2] обозначена проблема и сформулированы задачи исследования. В. И. Лыткин обращается к разработке одной из фундаментальных для финно-угроведения дисциплин – исторической фонетики пермских языков. В диссертации исследуются процесс отпадения конечных гласных и согласных в этих языках и его последствия. Первый раздел посвящен отпадению согласных в абсолютном конце слова, второй – отпадению гласных, третий – последствиям отпадения гласных. В. И. Лыткин подчеркнул, что основное внимание он уделит последним двум проблемам, разработка же первой выполняет функцию вводной части. Такое соотношение значимости исследуемых вопросов представлено различным объемом каждого из разделов диссертации. Первый вопрос рассмотрен на 14 листах [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 3–17], анализ второго занимает 169 листов [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 18–186], третьего – 65 листов [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 188–253].

Список сокращений, использованных в тексте диссертации, помещен на 5 листах [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 259–264] и дает основание для вывода о том, что кандидатская диссертация В. И. Лыткина явилась обобщением результатов зарубежного и отечественного финно-угроведения.

В первой главе В. И. Лыткин обобщил наблюдения финских лингвистов Ю. Вихмана, Э. Сетяля, Ю. Тойвонена, которые систематизировали такой результат общепермской эпохи, как отпадение согласных *m*, *n*, *k*, являющихся окончаниями определенных падежных и глагольных суффик-

сов. В главе показывается, что процесс отпадения затронул не только гласные и что наличие конечных гласных в пермских языках есть результат этого процесса.

Во второй главе В. И. Лыткин обратился к такому дифференцирующему морфологическому (фонетическому) признаку пермских и венгерского языков, как отсутствие двусложной или многосложной основы и окончания с краткой гласной. Современная «статическая грамматика» пермских языков фиксирует либо результат фонетического процесса отпадения конечных гласных, либо результат морфологического процесса переразложения, когда гласные «или примкнули к суффиксам, сделавшись составным элементом их, или же взяли на себя функцию суффикса» [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 23]. Данное заключение подкрепляется большим количеством примеров, которые позволяют В. И. Лыткину сделать вывод о том, что фонетический процесс отпадения гласных демонстрирует ряд закономерностей: отпадение конечных гласных не зависит от их качества (передне- или заднерядные), доминирование среди отпавших гласных «средних по ширине звука [е, о, ö], затем широких и менее всего – узких» [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 60–63]. Рассматривая вопрос о времени отпадения конечного гласного в пермских языках, В. И. Лыткин обратился к характеристике коми заимствований в обско-угорских языках. Именно в связи с освещением этого вопроса он впервые включил в число гласных коми языка новый, восьмой звук – закрытый [o], который был выявлен им во время диалектологической экспедиции в с. Кобра (1928 г.), а также указал на то, что этот звук был «оригиналом» для [u] в обско-угорских словах коми происхождения. Территорию и время контактов народов ученый определил на основе данных Г. С. Лыткина и А. Каннисто. Это – Вычегда, Печора, Верхняя Кама в XI–XVII вв.

В 1930 г. в первой опубликованной работе о верхнесысольском диалекте В. И. Лыткин обобщил сделанные в диссертации выводы, ограничившись указанием на то, что в древности «территория коми диа-

лектов с закрытым [o] была шире» [4, 33]. В целом точка зрения ученого, изложенная им в 1928–1929 гг., с учетом достижений финно-угорского языкознания к началу 1960-х гг., была представлена в его обобщающем исследовании об историческом вокализме пермских языков [6, 105].

Анализ русской, карельской, древнечувашской заимствованной лексики в пермских языках привел исследователя к выводу, что процесс отпадения конечных гласных в коми языке не наблюдался в VII–IX вв. [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 68–73]. Для точной датировки этого явления большое значение представляют индоевропейские заимствования. Но отсутствие необходимой «послойной» хронологии этой лексики в пермских языках не дает возможности определить временные рамки отпадения конечной гласной основы.

В. И. Лыткин уделил большое внимание лексике пермских языков типа «*l.t.*»¹. Систематизация этого материала дала еще один аргумент в пользу вывода о том, что конечные гласные в словах такого типа не восходят к эпохе финно-угорского единства, а либо являются «звуком позднейшего происхождения», либо представляют результаты заимствования. Возвращение к вопросу о качестве отпавших гласных первого слога В. И. Лыткину было необходимо, чтобы отметить трудности, возникающие в ходе решения данной проблемы, и сформулировать гипотезы, объясняющие причины несоответствия в ряде случаев между гласными второго слога в пермских и родственных им языках. По его мнению, оно стало результатом переразложения и позднейших «фонетических изменений этих гласных в пермских языках». Известный материал позволил В. И. Лыткину выделить две категории отпавших гласных первого слога: «более узкие» и «более широкие» [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 112–116].

Следующий объемный раздел второй главы В. И. Лыткин посвятил рассмотрению вопроса об отличии коми языка от

¹ Здесь и далее пометы приводятся в соответствии с системой обозначения фонетических явлений, используемых В. И. Лыткиным в своей диссертации.

удмуртского: «*vom. t.ti. ~ k. t.t.*»). Для доказательства этой особенности он приводит большое количество данных из девяти коми диалектов, объясняет причины отпадения «*i*» в коми языке и приходит к выводу, что этот процесс, видимо, еще шел в IX–XII вв. Датировку, основанную на материале древнечувашских и карельских заимствований, он уточняет, опираясь на данные о русских заимствованиях в коми языке. Итогом становится вывод о том, что отпадение конечного «*i*» как процесса дифференциации пермских языков следует отнести к VIII–XI вв. [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 160–163].

Анализируя явление, характерное для пермских и венгерского языка, – «большую устойчивость узких гласных звуков при отпадении», В. И. Лыткин ставит и решает в третьей главе диссертации проблему о причинах сужения гласных первого слога [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 188–234], которая и сегодня служит предметом дискуссий [1, 17]. Выводы о причинах сужения и спорадической лабиализации широких неогубленных финно-угорских гласных первого слога в прапермский период, представленные «компенсационной» теорией, были опубликованы им только в 1950-х гг. Как отмечает В. К. Кельмаков, эта точка зрения была пересмотрена В. И. Лыткиным. В работах 1960–1970-х гг. он сформулировал «субстратную» гипотезу, в соответствии с которой сужение гласного первого слога произошло под влиянием языка-субстрата, ассимилированного диалектами финно-угорского праязыка, ставшими основой пермских и, частично, марийского языков [1, 15–16]. Зародыш этой гипотезы содержится в заключении не защищенной В. И. Лыткиным кандидатской диссертации. Среди возможных причин сужения финно-угорских гласных первого слога в прапермский период он называет «влияние какого-либо третьего языка» [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 257–258].

Последний раздел третьей главы диссертации завершается анализом общего для истории пермских языков явления – отпадения конечных согласных в сочетании согласных [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 235–253].

Почему же В. И. Лыткин отказался от защиты диссертации, представив ее в срок, к 1 мая 1929 г., и зная о создании квалификационной комиссии для ее оценки? В своем заявлении, датированном 29 мая 1929 г., он просил отдел подготовки кадров РАНИОН продлить срок обучения в аспирантуре на год без сохранения стипендии, разрешить окончить ее без представления диссертации и вернуть ему недавно представленный текст; он также брал на себя обязательство возместить расходы на ее напечатание. Законченная диссертация, пояснял В. И. Лыткин, «меня самого не совсем удовлетворяет не потому, что она слаба с точки зрения знания метода (я полагаю, что там больших погрешностей против сравнительно-исторического метода нет), а потому, что мне хотелось представить диссертацию, разработанную по методу нового учения, разработанную не напрасно, а в течение продолжительного времени» [4]. Изменение планов В. И. Лыткина было связано с получением информации о том, что можно закончить институт без защиты диссертации, представив ее в течение ближайших трех лет. Он намеревался в течение года проработать истмат и яфетологию, поскольку, по его признанию, «мне были брошены упреки в том, что мною эти дисциплины не прорабатывались (хотя совершенно не по моей вине)» [3, о.ф. 233/7]. Таким образом он намеревался не только освоить новую методологию, но и «освободиться от тех упреков, поводы для которых (не проработка истмата и т. д.) созданы были не мною и не по моей вине» [3, о.ф. 233/7].

Последние строчки заключения кандидатской диссертации, так и не защищенной В. И. Лыткиным в 1929 г., дают основания для предположения о том, что его стремление написать новое квалификационное сочинение на основе учения Н. Я. Марра диктовалось отнюдь не конъюнктурными соображениями. Констатацию явлений, характерных для фонетической системы пермских и угорских языков, он завершил выводом о том, что причины описанных им фо-

нетических и морфологических процессов неясны. Выше уже отмечалось, что В. И. Лыткин указывал на возможность влияния какого-либо третьего языка («субстратная» теория). Он также не исключал воздействие другого «социально-го фактора» – «какого-нибудь изменения хозяйственного порядка внутри языковых групп» [3, о.ф. 233/8, ед. хр. 258].

Научная актуальность яфетической теории для В. И. Лыткина была связана с ее методологией, рассматривающей языковые явления как производные от социально-экономических отношений. Необходимость учета этого фактора при изучении проблем истории пермских языков для ученого была обусловлена его опытом исследования еще в студенческие годы изменений в современном ему коми языке [9].

Возможно, новая кандидатская диссертация В. И. Лыткина должна была быть посвящена социальным жаргонам коми языка. Стремление заняться этой темой возникло у него во время экспедиции по изучению коми диалектов в 1928–1929 гг., когда им «был проделан опыт собирания материалов по коми социальной

диалектологии» [7, 69], и являлось, как уже отмечалось, продолжением его исследований еще в студенческую пору.

Таким образом, изучение ранее неизвестных материалов о научной деятельности В. И. Лыткина в конце 1920-х гг. позволяет сделать вывод о том, что ее результаты, представленные в 1929 г. в кандидатской диссертации, были введены им в научный оборот почти три десятилетия спустя, в условиях развенчания учения Н. Я. Марра и возвращения сравнительно-историческому языкознанию статуса научной дисциплины. В переработанном виде он включил выводы этой работы в раздел о древнейших фонетических изменениях своего учебного пособия (по сути – учебника) по исторической грамматике коми языка [5, 66–93].

Новые материалы, относящиеся к периоду становления В. И. Лыткина как профессионального лингвиста, неопровержимо доказывают его стремление утвердить себя как специалиста по пермским языкам. Именно с пермистикой он связывал подтверждение своей научной квалификации в СССР после его признания за рубежом.

Поступила 12.08.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Жеребцов, Л. И.* Стоявшие у истоков. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми / Л. И. Жеребцов, Е. Н. Рожкин. – Сыктывкар, 2005. – 108 с.
2. *Кельмаков, В. К.* В. И. Лыткин как исследователь истории пермских языков // *Пермистика-5* : сб. ст. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – С. 9–28.
3. *Литературно-мемориальный музей им. И. А. Куратова.* Фонд В. И. Лыткина. О.Ф. 233/7; 233/8. (Ссылки на единицы хранения даются по каталогу «Поэт и ученый Василий Ильич Лыткин». – Сыктывкар, 2006).
4. *Лыткин, В. И.* Диалект Кобры // *Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка.* – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 29–47.
5. *Лыткин, В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика : учеб. пособие для вузов / В. И. Лыткин. – Сыктывкар, 1957. – 138 с.
6. *Лыткин, В. И.* Исторический вокализм пермских языков. – М., 1964. – 273 с.
7. *Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка.* – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – 75 с.
8. *Тепляшина, Т. И.* Научно-организационная деятельность В. И. Лыткина // *Пермистика-5* : сб. ст. / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – С. 28–47.
9. *Трифонов, Е. К.* В. И. Лыткин об условиях формирования коми литературного языка в первой половине 1920-х гг. // *Областные и районные центры России и их округа в историческом процессе : управление, экономика, культура.* – Яренск, 2005. – С. 80–82.
10. *Туркин, А. И.* К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы жизни. I // *Lingustica Uralica.* – 1995. – XXXI. – 3.
11. <http://komikyv.ru/blog/comp/496.html>.